

18+

РАБАДАН БАГДАЕВ

Тайна отеля «Nimbus»

Рабадан Багдаев
Тайна отеля «Nimbus»

<https://litres.ru/73173127>

ISBN 9785006902947

Аннотация

«Тайна отеля „Nimbus“» повествует о приезде молодого репортера в уединенный горный отель. Чтобы взять эксклюзивное интервью у выдающегося математика, лауреата Нобелевской премии. Однако спокойствие отеля нарушается серией загадочных убийств. Положение осложняется лавиной, которая изолировала всех постояльцев отеля, отрезав их от внешнего мира.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	36
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Тайна отеля «Nimbus»

Рабадан Багдаев

© Рабадан Багдаев, 2026

ISBN 978-5-0069-0294-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хотя наш Степной волк чувствовал себя то волком, то человеком, как все, в ком смешаны два начала, особенность его заключалась в том, что, когда он был волком, человек в нем всегда занимал выжидательную позицию наблюдателя и судьбы, — а во времена, когда он был человеком, точно так же поступал волк. Например, если Гарри, поскольку он был человеком, осеняла прекрасная мысль, если он испытывал тонкие, благородные чувства или совершал так называемое доброе дело, то волк в нем сразу же скалил зубы, смеялся и с кровавой издевкой показывал ему, до чего смешон, до чего не к лицу весь этот благородный спектакль степному зверю, волку, который ведь отлично знает, что ему по душе, а именно — рыскать в одиночестве по степям, иногда лакать кровь или гнаться за волчицей, — и любой человеческий поступок, увиденный глазами волка, делался тогда ужасно смешным и нелепым,

глупым и суетным. Но в точности то же самое случилось и тогда, когда Гарри чувствовал себя волком и вел себя как волк, когда он показывал другим зубы, когда испытывал ненависть и смертельную неприязнь ко всем людям, к их лживым манерам, к их испорченным нравам. Тогда в нем настораживался человек, и человек следил за волком, называл его животным и зверем, и омрачал, и отравлял ему всякую радость от его простой, здоровой и дикой волчьей повадки.

Герман Гессе «Степной волк»

Предисловие

Одинокая фигура в полумраке светильника прохаживалась вдоль окна второго этажа семиэтажного здания, наблюдая, как улицы города погружаются в сумрачную дымку. Внизу слышался шум эстакады монорельса; двигаясь змейкой, поезд метро разрезал тишину, заполняя собой пространство. В больших, грустных карих глазах отражался проносившийся под окном поезд, и мимолетные взгляды пассажиров, подобно кадрам старой киноплёнки, отражались в его душе.

Пятьдесят лет он прожил в этом городе, изъездив его улицы вдоль и поперек. Город стал ему настолько знаком, что он почти мог ходить по нему с закрытыми глазами, превратившись для него и в дом, и в тюрьму. Он помнил себя тогда молодым, скупым на слова, но отзывчивым и уверенным в том, что вот сейчас он взбросит на город своей мечты свои амбиции и оставит вечный след. Но, словно пыль, развеянная ветром, все развеялось, и все забыли и не хотят слышать об остроте его молодого имени. И вот сейчас, спустя столько лет, он стоит у окна, вынужденный смотреть на городской равнодушный холст, который проносится мимо, словно не замечая его.

Исчезли взгляды с каждым оборотом поезда метро. Метро стремительно увлекало их в разные стороны, и одновременно

менно он в каждом взгляде цеплялся за свою судьбу. В первых — молодость, энергия и бунтарство. Во вторых — усталость и разочарование, а в третьих — ледяное безразличие. Все они, казалось, ехали на этом поезде из-за своей обречённости, по раскинутым маршрутам, каждый по своей жизни, надеялись, боялись и мечтали. Сдавленно, наверное ужасно, тяжело вздохнул он и опустил голову, как будто от ужаса прожитых лет. Взгляд его больших карих глаз отражался рябью огней очень яркой и цветной настольной лампы, в которой не было уже и следа от задора и азарта, только усталость и тихое, затягивающееся, скулящее по краю всевластия, разочарование.

В бушующем за окном городе горели огни и звучали голоса, а он, одинокий силуэт в тёмном окне, наблюдал за этим водоворотом событий, словно чужак в чужом театре, и с горечью понимал, что, быть может, его роль в этом бескрайнем спектакле подошла к концу. Тихо отвернувшись от окна, он погасил лампу. Комната наполнилась густой тьмой, лишь призрачные отблески городского заката просачивались сквозь плотно задернутые шторы.

Он рухнул в ветхое кресло, закрыл глаза и пустил воспоминания нахлынуть на него, как бурный поток. В памяти, словно старые снимки, всплывали лица родных, друзей, коллег. Одинаково восторженные или грустные, пережитые вместе чувства — всё смешалось в неувядающем вихре. Он про-

сеивал их, словно драгоценные камни, в поисках единого ответа на мучительный вопрос: когда же так стало? Когда мечта обратилась в забытую рутину, а город, в котором призывно мерцали огни, стал всего-навсего тусклым фоном угасающей жизни? Ответа не было. Ведь он настолько очевиден, что душит в груди ужасное предчувствие: слишком долго я жил чужими мечтами, тщетно пытаюсь угодить, забыв о себе, о своих желаниях и стремлениях.

Всю жизнь он гнался за успехом, деньгами, славой и терял в этой погоне самое ценное — свое счастье. А теперь, в старости, он одинок и разбит горьким чувством, что слишком многое сделано не так, слишком многое упущено. Тот город, который для него был как сцена огромного театра, теперь — бескрайний пустой занавес, а он — потерявшийся актер, которому однажды забылись слова.

Открыв глаза, он вглядывался в темноту. Рассвет. Новый день едва-едва стучался в окно, как и тысячи других. И он знал, что ничего не изменит. Город будет бурно жить, а он — своим, одиноким и пустым. И они так и не встретятся. Сойдя с кресла, он подошел к окну и опустил занавес вниз. Солнце, как неуверенные путники, пробивалось сквозь туманы и проливалось на город мягкий, рассеянный свет. Он смотрел на него, как на прощание. И именно в этот самый момент почувствовал еле-еле зарождающуюся надежду. А может, еще не все потеряно? А может, еще есть шанс все изменить? Такая мысль, как вспышка, пролетела через него, освобождая

от безысходности, сковавшей его душу.

Он никогда ни на йоту не допускал мысли о переменах, успокаивая себя их неизбежностью и неизменностью. Но теперь, лицом к лицу с рассветающим городом, впервые словно зарождалось внутри смутное сопротивление. А что, если он ошибался всю жизнь? А что, если еще не поздно вырваться из замкнутого круга, разорвать оковы будничности и полной грудью вдохнуть свежий воздух свободы? Он вспомнил, как горели у него глаза и пылали от неумного желания испытать новое, юношеские мечты. А где все это? Когда он позволил серой бытовухе поглотить себя без остатка?

Резко отвернувшись от окна, он решительно направился в спальню. Сегодня все будет иначе. Он пока еще не знал, с чего начать, но твердо решил, что не позволит этому дню стать очередным серым пятном в бесконечной череде упущенных возможностей. Он достал старый пыльный чемодан с антресолей и открыл его. Внутри лежали вещи, словно осколки прошлой жизни: пожелтевшие фотографии, старые письма, книги, которые он когда-то любил всем сердцем. Он вынул одну из книг, открыл ее на случайной странице и погрузился в чтение.

Слова, написанные много лет назад, внезапно обрели совершенно новый, сокровенный смысл. Они говорили о смелости, о непоколебимой вере в себя, о необходимости следовать за своими мечтами, не оглядываясь назад. Он закрыл книгу и глубоко вздохнул. «Сегодня я начну писать свою ис-

торию». Погрузившись в воспоминания, он попытается разобраться в том, что случилось. Его зовут Энвер, и сегодня он расскажет вам свою историю.

Глава 1

Это было в начале зимы. Я — молодой журналист, недавно окончивший университет и получивший диплом. Еду по дороге в «Тойоте Королле» серого цвета, доставшейся мне от отца в наследство. Эта машина меня еще ни разу не подводила. Поднимаясь в горы по заснеженной дороге, я дрожал то ли от холода из-за плохого обогревателя, то ли от страха сорваться с машиной в обрыв. Руки крепко держали руль, и я медленно нажимал на акселератор.

Солнце, вонзая свои игольчатые лучи в сверкающий снег, резало глаза. Огромные вершины заснеженных гор источали холод отрешённости. Их неземная красота оглушала, а внизу, под извилистой лентой дороги, текла ледяная река. Дорога, словно нитка судьбы, вела в неизвестность.

Машина усердно глотала километры и забиралась всё выше в горы, туда, где вечные снега и камни. В салоне слышался ровный гул мотора, нарушаемый очень редко потрескиванием какого-то электричества. За окнами машины мелькали то тут, то там заснеженные ели, их ветки, казалось, как скрученные пальцы тянулись к непрошеным путникам. Вскоре деревья кончились, и перед машиной простиралась завораживающая взгляд панорама. Белые бесконечные снега, уходящие до самого горизонта, казались неким замершим во времени огромным морем. Его пронизывающий, кислый ве-

тер — опытный и колючий — прямо-таки врывался в щели машины, напоминая, что сейчас он повелитель всего этого царства.

Остановившись на смотровой площадке, я вышел из машины. Холодно, просто мороз обдаёт лёгкие, но это ощущение свободы и величия. Кажется, что можно дотянуться до неба, сливающегося с белизной гор. В этом безмолвном царстве природы нет никакого мира суеты. Наедине с собой и с вечностью понимаешь, насколько мы хрупкие существа. И в то же время ощущаешь восхищение мощью и красотой мира, который может и исцелить, и вдохновить.

Здесь можно забыть обо всем и просто быть, растворившись в величии гор и бескрайних снежных полях. Тишина настолько глубока, что, кажется, даже слышишь звон в ушах. Лишь изредка нарушает ее свист ветра, проносящегося сквозь скалы.

В этом безмолвии начинаешь слышать и себя, и свои мысли, и свои страхи, и надежды — те, что уходили вглубь души, в щели, становились невидимыми. Здесь, вдали от людей, они становятся более отчетливыми. Я закрыл глаза и вдохнул морозный воздух. Он был чист и свеж, словно глоток ледяной воды после долгой жажды. В нем чувствовался аромат леса, запах свободы и вечности. Открыл глаза и увидел снег, искрящийся под солнцем. Он переливался всеми цветами радуги, словно рассыпанные звезды. На вершине горы

время текло иначе. Минуты тянулись медленно, позволяя в полной мере насладиться каждым мгновением. Здесь можно было забыть обо всем. Здесь существовало только настоящее, только ты и природа.

В этой ледяной пустыне я не ощущал одиночества. Я чувствовал единение с миром, со вселенной, с той силой, что стоит за всем сущим. И вот в этом единении я испытывал покой и умиротворение, чувство, что всё на своих местах, и нет ничего важнее, чем просто быть и дышать. Эти нескольких минут, проведённых здесь, хватило мне для того, чтобы почувствовать себя обновлённым и полным сил. Горы поделились со мной частичкой своей мудрости и величия, научив меня ценить каждый момент и не забывать, что подлинная красота — в простоте и покое.

А теперь, отдохнувший и с новыми силами, я должен продолжить свой путь, взяв с собой в дар чувство свободы. Сев в автомобиль, я вновь двинулся вверх по склону, продолжая наслаждаться девственной красотой.

Наконец я увидел здание старого четырёхэтажного отеля. Редактор журнала «Orion» направил меня сюда, чтобы взять интервью у знаменитого математика, профессора Матиаса. Заснеженные горы величественно и непоколебимо боролись со временем. На их вершинах почти всегда лежит снег. И отель «Nimbus» был построен здесь с одной целью — доставить эстетическое удовольствие от тишины и спокойствия. Да и горный воздух стимулирует работу сердечно-сосуди-

стой системы. Я где-то читал, что из-за пониженного содержания кислорода на высоте учащается сердцебиение, улучшается вентиляция лёгких, усиливается кровообращение. В целом, горный воздух...

Машина медленно поднималась по заснеженной дороге, и мои мысли вдруг вернулись в мою маленькую квартирку в центре большого мегаполиса. Захотелось горячего кофе и медовика. Наконец я добрался до отеля, расположенного у подножия высоких гор, и остановился перед зданием. Сам отель находился на большой площадке, слева от него располагался теннисный корт, а перед ним — парковка. Я взял спортивную сумку с заднего сиденья и вышел из автомобиля. Закрыв дверцу, я быстрым шагом направился к двери отеля. Дверь со скрипом поддалась, и я вошел в просторное фойе с большим камином, сразу ощутив тепло.

— Чертова дверь! Сколько ни смазывай, все время скрипит, — слышался хриплый голос хозяина. Лет сорока, с темными волосами и короткой бородкой (чинстрап), среднего телосложения, в шерстяном свитере с отложным воротником и светлых брюках, он двигался в мою сторону.

— Позвольте представиться, — произнес он, протянув руку. — Алекс Барион, хозяин отеля «Nimbus», к вашим услугам. — И, улыбнувшись, пожал мне руку. — Извините за это шаблонное выражение. Я много читаю и заметил, что все хозяева отелей так здороваются. Меня зовут Энвер, я журналист журнала «Orion».

— Я в курсе, мне звонили и забронировали для вас номер на третьем этаже, рядом с номером профессора Матиаса, — произнес он скрипучим, как его дверь, голосом.

Мой взгляд скользнул по комнате и задержался на паре кресел у пылающего камина. Неподалеку, возле одного из кресел, расположился альпийский сенбернар. Пёс без малейшего движения лишь лениво и сонно взглянул в мою сторону.

«Располагайтесь. Вы, должно быть, продрогли. Сейчас принесу вам мой фирменный горячий травяной чай — отличное средство от стужи».

Я подошел к камину, оставил сумку, опустился в кресло и вытянул руки к огню, растирая озябшие пальцы. Тепло от языков пламени быстро согревало. Откинувшись на спинку, я вытянул ноги и, прикрыв глаза, постарался расслабиться. Умиротворяющее потрескивание дров плыло в тишине. Вскоре скрип половиц вырвал меня из полудремы, возвещая о приближении хозяина гостиницы.

— Сделайте глоток. Этот напиток прогреет вас до самых костей, — его хриплый голос вытащил меня из дремоты.

— Кто еще остановился в этой гостинице? — поинтересовался я.

— Всего семь гостей. Семья Асеевых: сёстры-близнецы Алина и Элея, двадцати лет от роду. Их мать, Марина Асеева, проживает вместе с ними в комнате номер одиннадцать. В двенадцатом номере поселился профессор Матиас Фольц,

известный учёный-математик. Я разместил вас в тринадцатом, надеюсь, вы не против?

— Вовсе нет, я не верю в приметы, — ответил я с улыбкой, демонстрируя все свои зубы.

— Далее, в четырнадцатом номере проживает отставной полицейский Роман Урсов. Молодой лыжник, спортсмен Максим Зубцов, предпочитающий, чтобы его называли Максом, занимает номер пятнадцать. В шестнадцатом номере — Марк Адамс, психиатр в отпуске. Кажется, это всё. Ах да, и Поттер.

— А это ещё кто? — удивлённо спросил я, глядя на владельца отеля.

— Так вот же он, прямо у ваших ног. Самая нерадивая собака на свете, — произнёс он и захохотал. Его громкий смех, казалось, разнёсся эхом по горам и окрестностям.

Алекс внимательно наблюдал за мной, и в его глазах читалось какое-то необъяснимое любопытство. «Итак, мистер Энвер, что привело вас в наш скромный уголок?» — спросил он, присаживаясь в соседнее кресло. «Ваш журнал интересуется историей отеля „Nimbus“».

«Ну, в том числе. Но на самом деле я пришел взять интервью у профессора Матиаса. А что, у вас что-то интересное происходит в отеле? Говорят, здесь происходили довольно странные вещи в прошлом», — ответил я, не вдаваясь в подробности. Мне не хотелось раскрывать все карты сразу.

«Странные вещи? Ну, в горах всегда ходит много легенд»,

— уклончиво произнес Алекс. «Но я не верю во все эти сказки о привидениях и прочей чепухе. Просто иногда случаются необъяснимые события, которые люди потом обрастают мифами».

Я кивнул, делая вид, что согласен с ним, хотя в душе уже предвкушал интересную историю. «Надеюсь, мое пребывание здесь позволит мне собрать достаточно материала для статьи», — сказал я, поднимаясь с кресла. «А сейчас, если вы не возражаете, я поднимусь в свой номер и немного отдохну».

Алекс проводил меня взглядом и, пожав плечами, произнес: «Конечно, располагайтесь. Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь обращаться. А Поттер, уверен, составит вам компанию». Он тепло улыбнулся, и я почувствовал, что в этом отеле меня ждет что-то большее, чем просто журналистское расследование.

Я поднялся в свой номер. Лестница скрипела под моими ногами. Я старался идти медленно, ступая, чтобы не разбудить других постояльцев.

Глава 2

Номер оказался небольшим, но уютным. Кровать, стол, стул, шкаф — ничего лишнего. Окно выходило на заснеженные вершины гор, завораживая своей красотой. Я поставил сумку на пол и подошел к окну. Распахнув его, я огляделся. Внизу, словно игрушечные, виднелись теннисный корт и парковка. Вдохнув морозный горный воздух, я почувствовал прилив сил.

Решив немного осмотреться, я закрыл окно и вышел из номера, направившись к комнате профессора Матиаса. Дверь была приоткрыта, я постучался и заглянул внутрь. Профессор стоял у стола и чем-то занимался, нахмурившись. Он был одет в твидовый пиджак и рубашку в клетку, на носу у него висели очки в роговой оправе. Ему было лет шестьдесят, он напоминал мне античного философа Сократа — с густой белой бородой и седыми короткими волосами. Когда нас ещё в детстве повели с другими детьми на экскурсию в музей, я видел знаменитую картину «Апология Сократа».

— Простите, профессор, не помешал? — спросил я, стараясь говорить как можно тише. Он поднял голову и посмотрел на меня удивленным взглядом.

— Ах, да, вы, должно быть, журналист. Энвер, верно? — произнес он, поправляя очки. — Проходите, пожалуйста. Я

как раз делаю небольшой перерыв. Я вошел в комнату и присел на стул, стоявший напротив стола.

— Мне очень приятно с вами познакомиться, профессор. Для меня большая честь взять у вас интервью, — сказал я, искренне улыбаясь.

Профессор одарил меня легкой улыбкой, осветившей его изысканное лицо. — Взаимно, молодой человек. Что ж, приступим? В его сухих глазах снова запрыгал огонь любопытства и готовности вникнуть в беседу.

Я открыл блокнот, словно чистый лист, предвкушая интересную беседу с выдающимся ученым. А впереди меня ждали новые захватывающие открытия и, возможно, разгадка загадок отеля «Nimbus».

— С чего начнем, Энвер? — поинтересовался он, откинувшись на спинку кресла. Его взгляд словно сканировал меня, проверяя на что-то, пытаясь понять мои намерения.

Я немного колебался. — Профессор, как давно вы занимаетесь исследованием аномалий в отеле «Nimbus»? — спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня. — Разве вы... И откуда вы знаете о том, что я здесь делаю? — в его голосе чувствовалась легкая дрожь.

Я почувствовал странное волнение. Значит, мои догадки были не совсем далеки, и профессор имел дело с какими-то странностями в этом незнакомом отеле.

— Мне стало известно из некоторых источников, профес-

сор. Простите за мою настойчивость, но я не могу сказать, откуда я знаю. Важно то, что я знаю об этом, и надеюсь, что вы расскажете мне то, что обнаружили, — ответил я, стараясь сохранять спокойствие.

Профессор сразу замолчал, словно надеясь, что я сам все придумал. Было ясно, он сомневался, но, ради сути дела, понял, что тут, увы, не шутка. Профессор глубоко вздохнул: «Что ж, Энвер, похоже, мне всё-таки придется помочь тебе немного просветиться. Да, я действительно интересуюсь, что происходит в отеле „Nimbus“. Заниматься этим я начал сравнительно недавно, почти месяц назад, после странного письма, к тому же безымянного».

Не говоря ни слова, он пошарил в своих бумагах, наконец обнаружив, как ни странно, пожелтевший конверт. Без подписей, примет.

«Вот оно. Письмо. Извините, анонимный почерк. Лишь одна строчка: „В отеле „Nimbus“ есть то, что никого там не оставит равнодушными“». Заинтригованный, я решил проверить и, ну, приехал сюда. Профессор протянул мне конверт.

Я взял его, чувствуя какую-то нервозность. Профессор Матиас, пожалуй, один из ярчайших умов современности, оказался впутанным в какую-то дьявольскую авантюру, связанную с отелем. И теперь мне, простому журналисту, выпала честь оказаться в центре этого водоворота. Нас ждут интереснейшие открытия, а может быть, и неведомые опасно-

сти, о которых я ещё не могу и подумать.

— Как давно вы тут? — спросил я, сложив руки.

— Думаю, пару дней назад, — ответил он.

— Извините, что докучаю, будто я какой-то герой детективного романа с этими допросами, — сказал я с улыбкой. — «Просто кажется, что дело не в аномалии. За этим письмом скрывается чьё-то другое». Взгляд профессора наполнился страхом.

— Ладно, я не буду больше вам мешать. Всю остальную часть интервью мы можем провести завтра. Только не говорите никому настоящую причину моего приезда. Я здесь, чтобы взять у вас интервью по доказательству гипотезы Пуанкаре, — сказал я, вставая с кресла.

— Дайте мне только одно обещание: если вдруг начнётся что-то такое, что будет угрожать моей жизни, вы поможете мне уехать из этой гостиницы, — сказал он дрожащим голосом.

— А что должно случиться? — удивлённо спросил я.

— Пока и сам не знаю, но вы должны помочь мне разобраться в этом. «Он что-то скрывает», — пронеслось в моей голове.

— Конечно же, профессор. Можете на меня надеяться. Я не люблю оставлять неразгаданные тайны, особенно когда это что-то настолько... заманчивое, — я сделал паузу и многозначительно замолчал, будто намекая на его очевидное нервное состояние.

Выйдя из кабинета профессора, я направился в свою комнату и размышлял над тем, что услышал. Его боязнь была слышна и видна, а просьба о помощи — крик отчаяния. Но от чего он так отчаянно пытается спастись? Гипотеза Пуанкаре тут явно ни при чем. Этот гениальный математик, кажется, в дело куда более страшное и увлекательное, чем научная дискуссия, меня втянул.

Сев в кресло, я достал из сумки ноутбук, положил его на колени и стал искать информацию о профессоре. Биография, статьи, интервью — всё, что могло помочь мне понять, почему он тревожится. Параллельно я искал свежие новости, надеясь найти хоть какие-то намеки на опасность. Но ничего не обнаружил.

Поерзав и устроившись поудобнее в кресле, я погрузился в чтение его биографии. Вроде бы ничего необычного: блестящая карьера, признание коллег, научные награды. Но что-то подсказывало мне, что дьявол кроется в деталях. И я был намерен эти детали найти, чего бы мне это ни стоило. С этими мыслями я закрыл ноутбук и, убрав его на пол, накрылся пледом и уснул. Сон был неглубоким, тревожным. Обрывки разговоров, тени в коридорах, мелькающее испуганное лицо профессора — всё смешалось в кошмарную кашу.

Меня разбудил навязчивый стук в дверь. С трудом разлепив глаза, я взглянул на часы — шесть утра. «Кто это в такую рань?» — выругался я про себя. Голова раскалывалась, я

чувствовал себя развалиной, как будто и не спал вовсе. «Извините», — сказал за дверью хриплый голос, — «это Алекс Барион, хозяин отеля. Мы нигде не можем найти профессора Матиаса». Открыв дверь, я увидел перепуганного хозяина. «Внезапный крик поднял на ноги всех жильцов. Мы стали разбираться, откуда до нас донесся шум, и поняли, что профессорская комната пуста. Мы обыскали отель вдоль и поперек, но нигде не было ни малейшего намека на то, где он может быть», — сказал он, скрестив руки на груди.

«Я сейчас спущусь», — произнес я полусонным голосом. Он кивнул и двинулся вниз по лестнице. Я пошел в ванную комнату, смыл остатки сна водой из-под крана и вышел из номера. Спускаясь вниз по лестнице, я услышал голоса.

— Да не могу я начать расследование. Во-первых, я уже не полицейский. А во-вторых, здесь пока еще нет состава преступления, — прокричал грубый мужской голос.

— Вы должны что-то сделать. Я уже вторую ночь слышу за стенкой, как плачет ребенок. И это странно, ведь здесь нет детей, — послышался голос взрослой женщины, скорее всего, Марины Асеевой.

— Мама, успокойся! — прозвучал голос молодой девушки.

Как только я спустился в фойе, голоса умолкли. Все постояльцы уставились на меня. От их взгляда по спине пробежали мурашки.

— Познакомьтесь! Этот молодой человек — журналист

Энвер Аблаев, он знакомый профессора.

Я подошел к пожилому полицейскому и пожал ему руку. Я слышал о нем; его зовут Роман Урсов, а газетчики прозвали его Ромакс. Он пристальным взглядом посмотрел на меня. Одетый в темный костюм с галстуком, он больше напоминал чиновника. Смуглое лицо, темные волосы и высокий рост дополняли его суровость.

Сзади появился молодой человек со светлыми волосами и голубыми глазами, в элегантных светлых брюках и светлой куртке, и представился: «Макс!».

В кресле сидел Марк Адамс, лет сорока, и курил трубку. Перекинув ногу на ногу, он поднял руку и, не вставая, представился. Светлое лицо и короткие выующиеся волосы, пристальный взгляд выдавали в нем интеллектуала. Дымок от трубки поднимался к потолку.

«А это Алина и Элея Асеевы», — произнес хозяин отеля. Молодые девушки, близняшки, с темными волосами и карими глазами, улынулись и поочередно протянули руки в знак приветствия. Они были похожи друг на друга, обе брюнетки, и различались лишь одеждой. Алина была одета в красивое голубое платье, накинув сверху светлый платок, с заплетенной косой. А Элея — в шерстяной кофточке и темных брюках, с распущенными волосами. Марина Асеева со мной даже не поздоровалась. С серьезным видом она начала изучать меня взглядом. В ее темных глазах чувствовалась тревога. В темном платье красивая женщина с черным платком через

плечо, на который ниспадали темные волосы. Она сидела рядом со своими дочерьми, положив руки на колени.

— Вы уже знаете, что ваш друг, профессор, пропал. А перед этим нас разбудил протяжный крик боли, — произнес полицейский.

— Да, мне хозяин все рассказал, — пробормотал я и, сев рядом с психотерапевтом в соседнее кресло у камина, принялся согревать руки.

— Так что же могло произойти? — спросил Марк.

— А вы точно слышали крик? — переспросил я. — Может, это ветер. Я ничего не слышал.

— Вы думаете, мы все здесь чокнулись?! — выругался полицейский и, засунув руки в карманы брюк, повернувшись ко мне спиной, двинулся к окну.

— Знаете, вот вы спросили, и теперь я не уверена, что это был крик. Но грохотнуло основательно, — проговорила пожилая женщина и, поправив платок, сделала неоднозначный жест в сторону окна. Мы все оглянулись и увидели, что наши машины засыпаны снегом.

— И интернет не работает, — произнес хозяин.

— Черт возьми! — снова выругался полицейский.

— Но профессор исчез. Может, его завалило снегом? — произнес Марк, встряхнув трубку в проеме камина. Он зашагал в столовую. «В любом случае, необходимо позавтракать», — сказал он и медленно двинулся к столу. Помню, я удивился его поведению: то ли это цинизм, то ли самообла-

дание.

Женщина с дочерьми последовала за ним. Ромакс повернулся и произнес: «Да, необходимо подкрепиться, а затем начать поиски профессора». В столовой уже все было приготовлено, стол был накрыт. «Расторопный малый, этот Алекс Барион», — подумал я.

За завтраком все молчали, но я не выдержал. «Почему вы решили, что профессор — мой друг?» — обратился я к полицейскому. «Хозяин представил вас его знакомым. Профессор также говорил, что приедет его друг-журналист. Я думал, вы его старый друг, а когда вы спустились, и мы увидели молодого человека, то очень удивились», — произнес он, проглатывая кусочек омлета на вилке и попивая вино.

Завершив трапезу, мы встали и дружно вернулись в фойе к своим местам. Кроме сестер Асеевых, они убрали со стола, решив помочь хозяину. Его самого не было видно.

«Я все-таки дозвонился до полиции и все им рассказал», — радостно, спускаясь с лестницы, произнес хозяин. «Они скоро пришлют помощь для поиска профессора».

Алекс, Макс и полицейский занялись поисками профессора. Они обыскали всю окрестность и даже раскопали автомобили лопатами. Марк сидел у камина и читал книгу. Я стоял у окна и записывал в блокнот произошедшие события, стараясь не упустить из виду малейшие детали. Иногда поглядывал на улицу и зачарованно всматривался в даль, разглядывая эти горные исполины. Женщина поднялась к себе,

а Алина и Элея возились на кухне, готовя нам ужин. Так прошел день, начало смеркаться.

К вечеру поднялась снежная буря. И эти трое вернулись в дом. Только один, «Потерр», не двинулся с места, всматриваясь в огоньки пламени в камине. И тут я включил «Шерлока Холмса». И с деловым видом произнес: «Давайте разберемся. Попытаемся проследить цепочку событий». Марк Адамс хмыкнул в кресле, но промолчал.

«Вы все прибыли сюда два дня назад. Хотелось бы узнать причину вашего приезда. Что касается меня, то меня направил сюда мой редактор, чтобы я взял интервью у знаменитого математика, профессора Матиаса. Профессор получил письмо от незнакомца, в котором говорилось о неких тайнах, скрытых в отеле, которые изменят его представления о реальности. Сам профессор — любитель загадок и тайн. А гипотеза Пуанкаре, над которой он работает уже несколько лет, и только недавно он стал утверждать, что сумел доказать эту гипотезу».

— Что это за гипотеза Пуанкаре? — спросил Ромакс.

— Это математическая гипотеза, касающаяся свойств трехмерных пространств, — произнес Марк Адамс. — Если простыми словами. Представьте себе фигуру, которую можно как угодно мять, растягивать, сжимать, но невозможно разорвать. И вот в таком мире или пространстве, например, бублик и кружка с ручкой — это одно и то же!

— Почему? — с удивлением спросил молодой лыжник

Макс.

— Потому что из пластилинового бублика можно вылепить кружку, не разрывая его (дырка бублика может стать ручкой кружки). А вот бублик и шар — это разные вещи, потому что чтобы сделать из шара бублик, нужно проделать дырку в шаре (то есть «порвать»). Это называется топологией или «резиновой геометрией», она изучает самые основные свойства фигур, которые не меняются при таких деформациях. А теперь перенесите это в пространство вселенной, — объяснил Марк Адамс.

— Получается, что пространство целостно. Знаете, я читал в книге одного советского философа. Он перефразировал античного философа Гераклита: «Нельзя войти дважды в одну и ту же реку», объяснив это так: «Мы и выйти из этой реки не сможем, потому что являемся частью этой реки. Мир — это целостная сфера», — констатировал я.

— Я сразу понял, что вы, молодой человек, интеллектуюал, — с улыбкой произнес Марк Адамс.

— Посмотрите, собрались два философа. А как это поможет найти профессора? — громко проговорил полицейский.

— Вы тот самый знаменитый полицейский Ромакс? — спросил я.

— И что вы этим хотите сказать? — он снова пристально посмотрел на меня.

— Ничего такого. Просто я о вас слышал. Вы профессионал своего дела.

— Спасибо, конечно. Но я не барышня и не нуждаюсь в комплиментах.

— Ну ладно, вернемся к тому, что я спросил о причинах приезда сюда, в этот отель. Причину приезда профессора и свою я назвал.

— Мне посоветовал мой врач этот отель. Сказал, что горный воздух полезен для моего сердца. Оно последнее время пошаливает, — проворчал Ромакс.

— А мне посоветовал этот отель мой тренер, здесь хорошее место для моих тренировок. Я спортсмен, лыжник, — проговорил Макс.

— Я здесь из-за своей пациентки, — произнес Марк Адамс и, словно погружаясь в глубину раздумий, начал свой рассказ.

История Марка Адамса. У меня была пациентка, Мария Сафина, около сорока лет. Мы работали с ее депрессией, вызванной огромной трагедией — смертью дочери. Она рассказывала, что всего три месяца назад ее дочь пропала. Она приехала из-за границы, родилась в Варшаве, а мужу тут предложили хорошую работу. И вот, через три дня после переезда девочка пошла в школу и не вернулась. Полиция занялась поисками лишь спустя шесть адских дней.

Мария держалась на таблетках, но я видел, как ее глаза гаснут с каждым днем. Она приходила на сеансы с фотографией дочери, прижимая ее к груди так, словно боялась, что

и я отниму у нее этот единственный клочок связи с реальностью. Девочка, кажется, ее звали Агата, лучезарно улыбалась с фотографии, и эта улыбка, казалось, прожигала меня насквозь.

Я пытался говорить с Марией о ее прошлом, о ее семье, о хобби, но все возвращалось к Агате. Все нити ее жизни обрывались в тот роковой день. Она винила себя, винила мужа, винила полицию, но больше всего — всемогущее провидение, которое, по ее словам, отвернулось от нее.

Работа с горем — самая сложная в психотерапии. Нужно помочь человеку принять произошедшее, отпустить боль, но не забыть любовь. С Марией было особенно трудно, ведь тело дочери не нашли. Оставалась призрачная надежда, которая, как я понимала, медленно убивала ее.

Я предложил ей вступить в группу поддержки для родителей пропавших детей. Сначала она отказывалась, но потом все же согласилась. Там она встретила людей, которые понимали ее боль без слов, которые делились своим опытом и поддерживали друг друга.

Постепенно, очень медленно, в Марии начала пробиваться тоненькая ниточка жизни. Она начала говорить не только об Агате, но и о себе. О своих чувствах, о своих страхах, о своих желаниях. Путь был долгим и трудным, но я верила, что Мария сможет найти в себе силы жить дальше, несмотря на невозполнимую утрату.

Однажды ночью у меня зазвонил телефон. На том конце

дрожащий голос произнёс: «Я видела дочь... во сне... а рядом... человек в чёрной маске». И, задыхаясь от отчаяния, добавил: «Если вы мне не поможете... я убью себя». Эти слова звучали в трубке как приговор.

Я не воспринял её слова всерьёз, уставший от долгого дня. «Уже поздно, — сказал я, — давайте, пожалуй, завтра об этом поговорим на сеансе». Но в ответ меня снова оглушил, истерзанный отчаянием, вопль: «Вы не понимаете! Завтра будет уже поздно!». Слыша в голосе тревожное и жестокое беспокойство, я безуспешно пытался её успокоить. Она же, не дослушав, бросила трубку, и я остался один в тягучей тишине, скованный чувством надвигающейся беды.

А на следующий день я узнал, что она разбилась, выбросившись из окна восьмого этажа. Моё самообладание просто не выдержало. Я бросил свою практику, ибо уже не мог заниматься своим делом, передал пациентов другому врачу. Только много позже, когда весна уже наступила, я решился выйти на утреннюю прогулку — это всегда было моим спасением и способом прийти в себя. И вот, иду я по проспекту и вдруг... из толпы смертельным взглядом вырывается женщина, которая настолько похожа на Марию, что у меня мороз по коже.

У меня чуть сердце не выскочило из груди, одышка давила в горле, а в ушах звенело. Несмотря на это, я ускорил шаг, стараясь не потерять её из виду. Она шла неспешно, оглядывалась по сторонам, разглядывая витрины, и, чёрт возьми,

каждая её походка, каждое её движение, даже поворот головы казались мне настолько до боли знакомыми. Неужели это возможно? Неужели всё это время она была жива?

Разум твердил мне, что это бред, что я просто схожу с ума от горя. Сколько женщин похожи друг на друга... Но что-то внутри, какой-то неумолимый голос, твердил обратное. Я продолжал идти за ней, словно загипнотизированный, не в силах оторвать взгляд.

Внезапно она остановилась у цветочного киоска и принялась выбирать букет. Я подошёл поближе и попытался взглянуть ей в лицо. Да, это была она... или кто-то настолько похожий, что я не смог бы отличить. Тот же взгляд, та же улыбка...

Собравшись с духом, я подошёл к ней и тихо, еле слышно, спросил: «Мария?» Она оглянулась. В её глазах удивление, а потом... страх? Недоумение? Она молчала, уставившись на меня, словно пытаясь найти ответ на вопрос, кто я.

«Извините, вы, наверное, перепутали», сказала она наконец, и в её голосе не было ни капли прежнего тепла. «Я не Мария.» Она быстро отвернулась, поставила цветы на ленту и стремительно удалялась, оставляя меня посреди проспекта в изумлении и растерянности.

Но я был на похоронах Марии Сафиной. У меня начались галлюцинации, или кто-то решил разыграть меня. Она растаяла в толпе, как мираж, оставив меня наедине с бурей сомнений в душе. Мог ли я ошибаться? Не подводит ли меня

память? Ведь после похорон не прошёл и год. Не подводит ли меня сознание, создавая эту иллюзию? Но в этом видении было что-то настолько осязаемое, что отрицать его было нельзя.

Я решил во что бы то ни стало разобраться в происходящем. На следующий день я вошёл в дом, в котором жила Мария, обошёл подъезд и поговорил с жильцами. Никто не видел Марию уже больше двух суток. Все помнили, оплакивали. Но одна старушка, жившая этажом ниже, рассказала, что за несколько дней до смерти Марии видела у её двери незнакомца в чёрном плаще. Он был очень высокий, худой и, для неё непонятным образом, внушал ей страх.

На этот незначительный факт я зацепился. Человек в маске Призрачного Крика, незнакомец в плаще... Слишком много совпадений. Я почувствовал, как растёт тревога, как холодный страх сжимает мое сердце. Кто была та, похожая на Марию? И какую роль в ее жизни играл таинственный незнакомец в черном? Я должен узнать правду, чего бы это ни стоило.

Я обратился в полицию, но там мой рассказ восприняли отнюдь не восторженно. Сказали, что я обуян горем и нахожусь в шоке, мне кажется всякое. Нет никаких доказательств, нет никаких зацепок. Дело закрыто. Я понял, что меня спасет только перемена обстановки. Я часто давал такой совет своим пациентам. Мой коллега посоветовал мне этот отель. Когда-то он останавливался здесь.

Он закончил свой рассказ. Я посмотрел на хозяина отеля. Тот был в недоумении. «Что с вами?» — спросил я его. «Понимаете!» — дрожащим голосом проговорил он, потирая ладони и поднося руки к губам. «Отель открылся только неделю назад. Я даже объявления не успел дать. Никто не мог знать, что гостиница открыта для постояльцев. Тем более что здесь можно отдыхать. Вот и удивился, когда приехали гости. Но в тот момент не обратил внимания. А после этого рассказа я очень удивился».

Все недоверчиво уставились на хозяина. — Как это, неделю назад? — переспросил Ромакс. Как и положено полицейскому, он сначала не поверил хозяину и попросил предъявить разрешение на открытие гостиницы. Но, увидев дату на нем, покраснел.

В это время в комнату вошли сестры Асеевы. Алина посмотрела на нас и спросила: «Что-то случилось?».

— Скажите, какова причина вашего приезда в этот отель? — обратился я к Алине.

— Мы получили письмо от наших знакомых, они пригласили нас покататься на лыжах в этот отель. И мама решила, что нам надо развеяться.

— Чертовщина какая-то! — выкрикнул Ромакс.

— Да, очень странно, — отреагировал Марк, выпуская струйку дыма, держа трубку в правой руке.

В этот момент кто-то открыл входную дверь, и все ри-

нулись посмотреть, кто пришел. Дверь распахнулась, и дым от холодного воздуха окутал прихожую. Силуэт человека из темноты шагнул в отель и неожиданно рухнул, как подкошенный. Ромакс и Макс подбежали к нему. Когда я подошел, они повернули его на спину, и я увидел бледное лицо профессора Матиаса.

Глава 3

Комната наполнилась гулом голосов. Алина и её сестра ахнули. Хозяин отеля, казалось, окончательно потерялся в происходящем хаосе. Я склонился над профессором, ища признаки жизни. Пульс еле прощупывался. Ромакс, не теряя времени, принялся отдавать чёткие указания: «Макс, помоги отнести его в гостевую комнату. Алина, принеси воды и полотенце. Нужно срочно привести его в чувство».

Мы перенесли профессора на диван, рядом с камином, в котором потрескивал огонь. Его лицо было бледным, как полотно, а одежда покрыта снегом. Макс смочил полотенце водой и начал обтирать его лицо. Спустя несколько минут профессор застонал и открыл глаза. «Где я?» — прошептал он слабым голосом.

«Вы в отеле, профессор. С вами всё будет хорошо», — успокаивающе произнёс я. Профессор с трудом приподнялся на локте и окинул нас растерянным взглядом. «Отель... письмо... они здесь», — пробормотал он, хватаясь за голову.

Ромакс, выслушав его бессвязные слова, нахмурился. «Кто „они“, профессор? Что за письмо? Расскажите нам всё, что знаете». Профессор, казалось, боролся с собой, пытаясь собраться с мыслями. «В письме говорилось о тайне этого места. О силах, которые спят здесь. Они хотят использовать меня... мою работу... гипотезу Пуанкаре...» — его голос

дрожал. «Они следят за нами... они повсюду...»

Мы с Ромаксом переглянулись. Гипотеза Пуанкаре? Что-то здесь не вязалось. Профессор всегда был немного эксцентричным, но чтобы его преследовали из-за математической гипотезы... это звучало как сюжет дешёвого триллера.

Внезапно дверь в комнату распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся хозяин отеля. «Господа, у нас проблемы! Связь пропала, электричество тоже!» Он выглядел испуганным до смерти. «Кто-то перерезал провода генератора. Мы отрезаны от мира!»

«А где Макс?» — спросил Ромакс.

Он направился к перевалу, одержимый желанием добраться до ближайшего поселения. Истинный атлет, он не скользил на лыжах — он летел над ними, словно птица, покоряя снежные склоны с невиданной грацией и скоростью.

«А что со связью?» — переспросил Марк, в его голосе сквозило напряжение.

«Лавина не просто оборвала провода, — ответил он, — их словно кто-то перерезал. И это меня настораживает гораздо больше, чем стихия».

Ромакс вздохнул. «Как удачно», — процедил он сквозь зубы. Похоже, слова профессора о том, что за нами следят, приобретали зловещий оттенок реальности. «Похоже, нам придется разбираться с этим самостоятельно», — сказал он, обращаясь ко мне.

Профессор снова застонал, вцепившись в одеяло. «Не доверяйте им... никому... они все...» Его голос оборвался, и он снова потерял сознание. Ромакс приказал Максу остаться с профессором, а сам жестом позвал меня в коридор. «Присмотри за ним. Я попробую разобраться в произошедшем. Он знает что-то важное».

И тут я вдруг вспомнил про тетрадь, в которой профессор что-то записывал вчера во время нашей беседы. Оглянувшись на профессора, который лежал без сознания, я понял, что в его словах кроется разгадка всего происходящего.

Я поднялся по лестнице и зашел в комнату профессора. Беспорядок царил повсюду: бумаги, книги, разбросанная одежда. На столе, рядом с недопитой чашкой чая, лежал знакомый блокнот. Тот самый, в который профессор что-то лихорадочно записывал вечером. Я схватил его и начал быстро пролистывать страницы. Записи были хаотичными, обрывочными, полными математических формул и непонятных символов. Но вдруг мой взгляд зацепился за одну фразу, написанную крупным, дрожащим почерком: «Ключ в отражении».

Отражении чего? Зеркала? Окна? Или метафорическое отражение? Я продолжил читать. Дальше шли какие-то вычисления, схемы и упоминание о «комнате теней». Комната теней? Что это значит? Внезапно я услышал шаги за дверью. Быстро сунув блокнот в карман, я присел у кровати, делая вид, что ищу что-то под ней. В комнату вошел хозяин гости-

ницы.

Он оглядел меня с подозрением. — Что вы здесь делаете? — спросил он.

— Ищу разгадку, — пробормотал я.

— Разгадку чего? — его голос звучал жестче, чем раньше.

— Профессор что-то знает, и я пытаюсь понять, что именно, — ответил я, стараясь не выдавать волнения.

— Профессор бредит, молодой человек, и принимать его слова всерьез не стоит, — произнес он и улыбнулся.

— А вы что здесь делаете? — спросил я в свою очередь.

— Я шел в свою комнату, где-то у меня был «Валемидин» — успокоительное средство. У него началась истерика.

Его взгляд не предвещал ничего хорошего, а улыбка казалась неестественной, натянутой. Я чувствовал, что нахожусь в опасности. — Я просто хотел убедиться, что с профессором все в порядке, — соврал я, поднимаясь с пола. — Ему нужна помощь.

Хозяин отеля продолжал сверлить меня взглядом, словно пытаюсь прочесть мои мысли. Он медленно подошел ко мне, и я невольно отступил на шаг. — Вы слишком любопытны для гостя, — прошипел он. — И любопытство может вас погубить. Внезапно я осознал, что мы остались одни. В эту глушь редко кто забредает.

Внезапный крик откуда-то снизу прервал наше напряженное молчание. Это была Алина. Хозяин отвлекся на секунду.

ду, и этого было достаточно. Я оттолкнул его и бросился к двери, понимая, что времени у меня в обрез. Добравшись до лестницы, я услышал, как он бежит за мной, тяжело дыша.

Я спустился вниз и замер на пороге. Алина и её сестра-близнец, словно призраки, маячили в дверях гостевой комнаты. В глазах Алины плескался первобытный ужас. «Профессор... он... исчез!» — прошептала она одними губами. В тот же миг меня словно ледяной волной окатило осознанием: мы в ловушке. Разгадка тайны этого проклятого места может обойтись нам жизнью. И хозяин отеля, в чьей приветливой улыбке теперь чудилась зловещая усмешка, явно играет в этой дьявольской истории далеко не последнюю роль. Гостевая комната выглядела так, будто здесь недавно произошла борьба. Подушки сбиты, одеяло скомкано, а на полу виднелись следы грязных ботинок. Алина и её сестра, держась друг за друга, с опаской озирались по сторонам.

— Что, черт возьми, здесь творится?! — сорвалось у меня с губ. В этот момент в холл вошли Марк и Ромакс.

— Где профессор? — рявкнул Ромакс.

— Он опять исчез... — пролепетал хозяин отеля, стараясь отвести взгляд.

— Что здесь происходит? — повторил свой вопрос полицейский Ромакс, буравя взглядом каждого.

— обходимо обыскать отель, возможно, он просто встал и пошел в свою комнату, — произнес психотерапевт Марк, задумчиво поджигая свою трубку, словно высекая искры из

самой тьмы.

Ромакс скомандовал начать поиски немедленно. Мы разделились на группы. Ромакс и Марк решили осмотреть территорию вокруг отеля, подозревая, что профессор мог уйти в лес. Я вместе с сестрами взялся прочесать здание изнутри, начиная с комнаты, где он исчез. Хозяин отеля, несмотря на протесты, был вынужден присоединиться к нам, хотя его нервозность только усиливала подозрения.

Я ощущал нарастающее чувство тревоги. Блокнот в кармане обжигал руку. «Ключ в отражении...» Эта фраза не выходила у меня из головы. «Разгадка в гипотезе Пуанкаре» — пронеслось в моей голове.

Тщательно осматривая гостевую комнату, я обратил внимание на старинное зеркало в тяжелой раме, висевшее над камином. «Отражение...» — прошептал я, и меня осенило. Может быть, ключ — это действительно отражение в зеркале? Я подошел ближе и внимательно осмотрел отражение комнаты. И вдруг по телу пробежали мурашки.

Пока все рассредоточились по отелю, я стоял как замороженный и смотрел на зеркало. Там не было отражения, а какое-то искривленное пространство.

В отражении зеркала, вместо привычной картины комнаты, клубился полумрак, словно зазеркалье готовилось поглотить всё вокруг. Я присмотрелся внимательнее и увидел слабые очертания каких-то символов, нанесённых прямо на поверхность зеркала, незаметных при обычном освещении.

Они напоминали математические формулы, переплетённые с древними рунами, явно не принадлежащие ни одному из известных языков.

Элея и Арина, заметив мой пристальный взгляд, вопросительно посмотрели на меня. Я жестом попросил их подойти ближе и указал на отражение. Элея ахнула, закрыв рот рукой. «Что это?» — прошептала она. Внезапно, отражение в зеркале начало меняться. Символы замерцали, образуя сложную геометрическую фигуру, напоминающую узел, переплетённый сам с собой бесконечное количество раз. Гипотеза Пуанкаре! Это был графический ключ к разгадке тайны.

Я понимал, что времени нет, поэтому, вытащив блокнот из кармана, раскрыл на нужной странице и приложил к зеркалу. Символы на бумаге и отражении совпали.

Пролистав несколько страниц, я наткнулся на записи: «Если представить себе трёхмерное пространство, замкнутое, конечное, подобное безбрежному океану без берегов — пространство, где любая замкнутая петля, словно нить Ариадны, может быть стянута в точку, — то мы неизбежно приходим к выводу о его тождественности трёхмерной сфере. И это „подобие“ выходит за рамки простой визуальной схожести. Это топологическое родство, глубокая связь, проявляющаяся в устойчивости свойств при непрерывных метаморфозах: пространство может растягиваться подобно резине, сжиматься, словно пружина, закручиваться в причудливые узлы, но при этом оставаться цельным, без единого разрыва

или склейки».

— Его нигде нет, — эхом разнеслось по дому, голос полицейского звучал смутно и отрешённо.

Марк затянулся трубкой, выпуская облачко ароматного дыма. — А вы что здесь делаете?

Внезапно, словно стон старого дома, заскрипели ступени лестницы, заставив нас обернуться. «Поттер», огромный пес, лениво приподнял голову, сонно гавкнул и снова опустил ее на лапы, закрыв глаза. «Этому псу все нипочем», — мелькнуло у меня в голове, когда в гостевую, словно луна в полночь, медленно вошла Марина Асеева.

— Что за шум? — прозвучал ее сонный, слегка хриловатый голос.

Не успела она договорить, как дверь распахнулась, и в дом ворвался Макс, словно сам северный ветер. Весь в снегу, с замерзшим красным носом, он был похож на ледяного духа.

— Все замело, — проворчал он, отряхивая снег с сапог и капюшона. — Перевал засыпан по самые макушки. Понадобится несколько дней, а может, и недель, чтобы расчистить эту чертову дорогу.

— Предлагаю всем сегодня переночевать в гостевой комнате. Здесь тепло. И налейте всем свой знаменитый чай, Алекс, — обратился я к хозяину гостиницы.

— Что это вы вдруг начали всеми распоряжаться, молодой человек? — пробормотал полицейский.

— У меня есть новость. Я, кажется, начинаю понимать, что здесь происходит. Но для этого нужно, чтобы все успокоились и внимательно меня выслушали.

— Хорошо, я пойду поставлю чайник на плиту, — сказал хозяин и побрёл на кухню.

— Молодой человек, вы говорите загадками. Но я предполагаю, что вы что-то знаете, но не хотите эту новость сразу вываливать на нас, — спокойным голосом выпалила Марина Асеева и вальяжной походкой побрела в сторону дивана.

Да, вы правы, — сказал я, протирая ладони и пытаясь сосредоточить мысль.

Все начали рассаживаться по местам. Сёстры Асеевы присели рядом со своей матерью. Марк Адамс сел на своё привычное место в кресло у камина, выпуская дым из трубки. Ромакс сел в кресло рядом с окном и подозрительно посмотрел на меня. Макс снял куртку и сапоги и составил компанию Марку у камина, присев в соседнее кресло.

Наступила небольшая пауза, которую прервал Ромакс: «Ну что же, мы вас внимательно слушаем. Мистер Супердетектив», — иронично проговорил он.

Прежде всего, я хочу сказать, всё, что здесь произошло, — это эксперимент, не человеческий и даже не божий.

— Вы снова говорите загадками, — проворчал Макс.

— Строите из себя умника, — пробормотала Марина Асеева.

— Нет, я просто хочу вас подготовить к новости, которая

может вас немного шокировать. Все события сегодняшней ночи связаны с открытием профессора Матиаса. Я с детства увлекался физикой и математикой, и немного в этом смысле.

В этот момент вошел хозяин отеля с подносом и начал раздавать чай. Макс с удовольствием выхватил горячую кружку, обхватив ее двумя руками, согревая замерзшие руки. Марк Адамс отказался кивком головы.

Сестры Асеевы, приняв чай, синхронно пригубили его. Марина Асеева, едва коснувшись губами стакана, поставила его на лаковый столик у дивана. Ромакс же свой бодрящий напиток водрузил на прохладный подоконник. Я лишь отмахнулся, дав понять, что выпью позже.

— Итак, все началось с, казалось бы, обычного задания: подтверждение гипотезы Пуанкаре. Редактор моей газеты отправил меня сюда, чтобы я взял интервью у профессора Матиаса, про которого ходили слухи, будто он совершил прорыв в этой области. Но истина, словно холодный душ, обрушилась на меня, когда я углубился в его записи. Во-первых, гипотезу, как оказалось, уже доказал другой русский математик, Григорий Перельман. Но открытие профессора Матиаса... оно оказалось чем-то гораздо более пугающим, всеобъемлющим. Этот отель — не просто место для встреч, а настоящая лаборатория, а мы с вами — подопытные крысы.

— Что... что вы такое говорите? — недоуменно выдохнул Макс.

— Посмотрите на ваше отражение в зеркале.

— Но в нем ничего нет, — констатировал Марк Адамс, его голос дрогнул.

— Именно.

Все в ужасе уставились на зеркало, не в силах понять, что происходит.

Глава 4

Холодный ужас сковал каждого в комнате. Безумные взгляды, полные сомнения и растущей тревоги, метались из зеркала в сторону говорившего, ища хоть какое-нибудь объяснение этому. Звонящая тишина была нарушаема лишь едва слышным треском дров в камине.

Профессор Матиас сделал открытие, которое дает возможность исказить пространство и время, создавать удивительную трехмерную сферу, описанную в научных книгах. Ему удалось создать такой аппарат, который не отражается в зеркале, а значит, и сам облик реальности. Отель, в котором мы находимся, по всей видимости, испытывает на себе воздействие этой машины. И мы — всего лишь удобный материал для эксперимента.

«Но зачем? Зачем ему это надо?» — прошептала Марина Асеева, прильнув к спинке дивана, словно желая спрятаться за ним.

«Я не знаю. Возможно, он стремится создать машину времени, возможно, пытается сконструировать совершенную модель вселенной. Однако я уверен в одном: пока мы здесь, мы — участники его эксперимента. Поэтому необходимо выбраться отсюда, а для этого нам нужно понять, как работает его изобретение».

Ромакс, долго молчавший, вдруг резко вскочил: «Ладно.

Допустим, это всё — не безумие, а какой-то чертов научный эксперимент. Но как тогда нам, простым смертным, бороться с гением, пусть и тронутым? Что мы можем сделать?»

Я посмотрел на всех в надежде найти поддержку. «Мы можем применить против него его же оружие. Знание, Сила. Профессор Матиас оставил здесь следы, намёки в этой странной реальности. Нам нужно искать их, разгадывать. Каждый предмет, каждое изменение здесь может быть ключом».

Я обвёл комнату рукой, почти невидимыми нитями связывая её с сумасшедшим учёным. «Начнём с малого. Изучим отель, его строение, аномалии. Неужели вы ни разу не заметили, что здесь происходит что-то не так: вещи ведут себя странно, нарушаются законы физики? Неужели ни одна мелочь, настолько незначительная, не имеет значения? Вместе мы сможем его разгадать и сбежать отсюда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.